

Юлия
Лавряшина

Гости «Дома на холме»

Юлия Александровна Лавряшина
Гости «Дома на холме»
Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37406015

Гости «Дома на холме» / Юлия Лавряшина: Эксмо; Москва; 2018

ISBN 978-5-04-096821-3

Аннотация

Две сестры, Анита и Эля, приезжают в небольшую гостиницу под названием «Дом на холме». Они одержимы чувством мести: их мать умерла, и они уверены, что виноват популярный писатель Авдонин, которого она любила. Никто никогда не видел Авдонина, но известно, что он живет в этой гостинице. Кто же из постояльцев скрывается за писательским псевдонимом? И стоит ли вообще осуществлять задуманный план мести?

Юлия Александровна Лавряшина

Гости «Дома на холме»

© Лавряшина Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

В древесный тоннель они вошли, сцепившись пальцами. На этом, последнем, отрезке пути вязы сплелись над дорожкой ветвями и картинно застыли в свете луны. Было нечто пугающее и одновременно завораживающее в природной арке, увлекающей в неизвестность. Руки сестер тянулись друг к другу, как эти деревья – ловили, стискивали, не причиняя боли.

– Похоже, мы на месте? – пробормотала Анита. – Если на станции объяснили правильно, гостиница где-то здесь...

Хоть она и была на четыре с половиной года старше Эльки, та переросла ее на голову, и это сбивало посторонних с толку. Анита надеялась, что больше сестра не вырастет, ей ведь скоро двадцать пять. Куда уж!

– Надеюсь, наш герой действительно тут живет. – Эля шмыгнула носиком, покрасневшим от холода. – Обидно, если зря притащились... Черт, у меня пальцы уже отваливаются!

Остановившись, Анита выпустила чемодан из рук и оття-

нула рукав кофты.

– Заползай в тепло.

– А вторую? – жалобно протянула Эля.

– Ладно. Давай повезу оба чемодана, а ты руки в карманы спрячь. Хотя плащик у тебя, как лепесток...

– Зато красивый. – Эля оглянулась на увесистый чемодан и опять по-детски громко хлюпнула носом. – Тебе будет неудобно...

– Ничего, уже недалеко.

– Вот именно! Я потерплю. Скоро согреюсь... Что за лето у нас?! Октябрь, а не лето!

– Вот как раз этого мы изменить не можем...

Улыбка у Аниты получалась совсем детской, из-за того что нижняя губа чуть выступала вперед, а большие серые глаза светились. Если б не этот свет, ее можно было бы назвать невзрачной: маленькая, щуплая... Светлые, не слишком густые волосы, не закрывающие шею, вечно казались растрепанными. Одевалась она небрежно, будто схватила вещи в темноте и напялила их как попало. И что за вещи – джинсы, майки, пуловеры...

Но, как ни удивительно, это не вызывало отторжения, и многие даже находили особенную прелесть в том, насколько эта девушка свободна от каких бы то ни было условностей. Несмотря на внешнюю детскость Аниты, никому и в голову не пришло бы назвать ее «блондинкой» в анекдотическом понимании этого слова. Ее глаза излучали не толь-

ко внутренний свет, но и ум. Замкнутость Аниты заставляла окружающих держаться с ней настороженно, так было даже в детстве. Ее лучшим и, по сути, единственным другом всегда была Эля.

В отличие от Аниты в лице младшей сестры не осталось ничего детского, и это нравилось ей самой. Эля выглядела юной женщиной, а не вчерашним подростком. Высокая, тоненькая, такая же белокожая и светловолосая, как сестра, но холодноватая с виду, она только Аните позволяла называть себя «малышкой».

В ее присутствии и мужчины, и женщины ощущали безотчетный благоговейный страх: «Бывает же такая красота!» Эля и сама сознавала, что отличает ее от большинства людей, но не придавала этому особого значения. И никого не обижала сознательно, хотя ей удивительным образом удавалось вызывать у окружающих неловкость за самих себя. За то, что у них не такие утонченные черты, длинные ноги, тонкие пальцы. Волосы у Эли были куда гуще и немного короче, чем у сестры, они походили на лунный ореол вокруг лица, и тем, кто видел ее впервые, сразу приходила на ум Снежная королева. Такая коснется – и заморозит навеки...

Но это была лишь видимость. Хотя по-настоящему только Анита знала, какой у сестры веселый и легкий нрав. Однако Эля не была глупышкой. Ей просто хотелось радоваться жизни, но стоило задуматься всерьез о собственной, как мысли становились мрачными. Даже ноги наливались свин-

цом, а Эле нравилось ходить быстро, практически лететь над землей. В детстве она была настоящим сорванцом...

Сейчас ее передвижение тормозил тяжелый чемодан. Но взять с собой хоть немногим меньше одежды Эля не могла себе позволить: необходимо было чувствовать, что она готова ко всему. К любой непредвиденной ситуации.

А эта поездка вполне могла обернуться неожиданностями... На что они и рассчитывали.

Анита остановилась на выходе из природного тоннеля.

– Вот она.

– Кто? – Тяжело дыша, Эля выволокла из темноты чемодан и остановилась рядом с сестрой.

– Гостиница.

– Теперь принято говорить «отель». Значит, это он.

– Пусть будет – отель, – привычно уступила Анита. – Хотя я не нахожу ничего позорного в слове «гостиница». Ну что? Последний рывок?

Пальцы сестры впились в ее плечо.

– Стой! Подожди... Я еще... не готова.

Обернувшись, Анита обеими ладонями погладила ее лицо.

– Ну что ты? У тебя было столько лет...

– Но сейчас... Это же... Вот оно!

– Только не вздумай заплакать, глаза покраснеют. Ты должна быть великолепна!

– Да не плачу я! – Эля запрокинула голову, чтобы слезы

быстрее высохли. – Сейчас. Одну секундочку. Только не трогай меня!

Убрав руки, Анита тоже подняла глаза. Москва была близко, но не настолько, чтобы заслонить своим искусственным светом живые звезды. Хотя, наверное, среди них были и погасшие... Как их мать. Аните подумалось: может, Элька отыскивает в условных рисунках созвездий особый знак, который заставит ее повернуть назад? Ведь переступить порог дома, где обитает *тот самый* человек, невероятно трудно. Страшно.

Но Анита знала, что не позволит ей этого. Волоком потащит, если придется.

– Идем. – Она решительно подцепила оба чемодана.

Каблучки Эли застучали сзади – сначала неуверенно, потом все более часто и громко. Каждый шаг отрезал возможность к отступлению...

* * *

Лике нравилось добираться до гостиницы через поселок, доезжая на автобусе. А назад, когда уже вечерело, она возвращалась на электричке: до станции через живой тоннель можно было дойти за пять минут. В темноте ажурное переплетение веток наливалось таинственностью, и Лика невольно задерживала дыхание.

Не от страха! В этом маленьком подмосковном поселке

под сенью древнего монастырского храма некого было опасаться. Ли́ка исходила все его округлые улочки, которые не переставали удивлять, то заканчиваясь тупиком, то выводя совсем не туда, где она рассчитывала оказаться.

Но ей нравилась эта непредсказуемость, и уже несколько раз Ли́ка специально приезжала сюда в свой выходной, чтобы просто побродить среди стареньких домиков с мезонинами, соседствующих с особняками. Каждый раз Ли́ка выбирала разные тропинки и то подкидывала припасенного пшена пышным пестрым курицам, жившим целым семейством в открытом взору прохожих вольере, то обнаруживала новое граффити, копировавшее берег Клязьмы.

А в этот раз вышла к «Замку призраков» – так Ли́ка сама назвала этот недостроенный дом, который инстинктивно старалась избегать. Третий этаж загадочного строения в готическом стиле так и остался незаконченным, а работы прекратились. В поселке поговаривали, будто хозяина застрелили. А может, посадили... Так или иначе дом никто достраивать не собирался, ведь на заборе появился баннер «Продается». Риелтор не потрудился повесить нарисованного мелом спеленатого младенца с непомерно большой головой и хвастливо высунутым языком. Хотя теперь хвастать было вроде как и нечем.

Несколько раз отец предлагал ей остаться ночевать в пентхаусе, но Ли́ка догадывалась: его заботит вовсе не ее безопасность. Петру хотелось свести дочерей, чтобы они, как два

одиноких зверька, уцепились друг за друга и выжили, если с ним что случится, как было с владельцем «Замка призраков»... Лучше быть готовым ко всему.

Наверное, Лика сумела бы найти общий язык даже с таким дичком, как Тася, потому что без труда находила его со всеми. Вот только ей совершенно не хотелось этого. Ну, не удавалось ей забыть, что ради Тасиной матери отец обрек ее на полусиротство...

Теперь Петр искал у нее поддержки. Ирония судьбы: ему – богатому и сильному – понадобилась помощь когда-то брошенного им ребенка. Больше не к кому было обратиться.

Отец догнал ее в древесном тоннеле.

– Я думал, ты хоть сегодня побудешь с нами!

– А что такого с сегодняшним днем? – удивилась Лика.

Сунув руки в карманы толстовки, без которой вечером уже было холодно, она слегка покачивалась вперед и назад, глядя на носки разноцветных кедров. Это же обычно Тася прячет глаза, стоя перед отцом, Лика же никогда так не делала.

Обдало ознобом так, что она передернулась, но отец понял это по-своему.

– Замерзла? Давай вернемся домой.

– Мой дом в Москве, – Лика постаралась, чтобы это прозвучало помягче. Ссориться с щедрым работодателем не с руки, даже если это твой отец.

– Но иногда ты можешь переночевать у нас. Особенно...

– Сегодня, – закончила Лика за него. – Что за событие сегодня? У нее день рождения? Разве не в сентябре?

– Не рождения. Наоборот.

– Я поняла, – прервала Лика.

И обругала себя: «Вот я дура! Могла бы и догадаться».

Тишину нарушил быстрый перестук каблуков. Кто-то приближался со стороны станции и уже готов был вынырнуть из темноты. Лика уловила дребезжание чемоданных колесиков: женщина явно направлялась к ним.

– Гостя, – бросила она, чтобы отец успел войти в роль радушного хозяина.

– Две, – ответил Петр так тихо, чтобы разобрала только дочь.

– Придется возвращаться... Максим взял три отгула.

– Я в курсе. У него что-то там с собакой.

– Серьезно?! – встрепелась она. – А мне не ска...

Оборвала себя прежде, чем отец расслышал обиду в голосе. Необязательно ему знать... Зачем вообще старшая дочь, если есть Тася – любимица?

И все же Лика не раз замечала, как упорно отец пытается притянуть ее, удержать возле себя. На мгновенье даже померещилось, будто он подстроил приезд этих женщин, которых она все еще не могла разглядеть. Нанял каких-нибудь знакомых, чтобы явились на ночь глядя и вынудили ее вернуться в гостиницу. И остаться ночевать...

Но Петр сказал:

– Если торопишься, я сам могу оформить.

– Это моя работа.

Лика произнесла это не резко, стараясь не обидеть его, но твердо. С первого дня она старалась делать все так добросовестно, чтобы ни у кого не возникло мысли, будто отец делает ей поблажки.

Желтый всполох в темноте... Лика прищурилась: плащ? Или что это на ней? На той, что повыше.

«Вот это ноги!» – едва не вырвалось у нее.

Быстро взглянула на отца: уж он-то, конечно, заметил! Если даже ей сразу в глаза бросилось... Гости уже приблизились настолько, что Лика ахнула: девушка-цветок! Золотистый бутон на длинном, ровном стебле.

Еще несколько шагов, и новое удивление: «Какое лицо! С нее сказочных принцесс рисовать можно...»

На ее спутницу Лика поначалу и внимания не обратила. Присутствие отметила, конечно. Кто-то там маячит позади... Невзрачный. Не важный. Бледный мотылек вьется вокруг цветка.

– Простите, вроде бы где-то здесь отель?

Прозвучало вежливо, но холодно. Снизошла до разговора с простыми смертными. И слово «отель», которое Лика не любила, царапнуло. Но обижаться было не с руки, каждый постоялец в их глуши на вес золота!

И она ответила с обычной приветливостью:

– Вы практически пришли! Мы будем рады вас принять.

Петр Николаевич – хозяин нашей гостиницы.

Он чуть склонил голову в поклоне.

– Позвольте помочь с чемоданом?

– Прошу!

«Бросила, как слуге, – отметила Лика. – А он и проглотил! Хорошо быть красавицей... Тебе прощается любое хамство».

Она повернулась к другой девушке, похожей на мальчишку, в джинсах и ветровке.

– Вам помочь?

– Не стоит, я справлюсь. Меня зовут Анита. Если что... Эля – моя младшая сестра.

– Очень приятно, – отозвалась Лика машинально.

Каблучки уже стучали впереди, вынуждая спешить следом. Лика только усмехнулась, поглядев на чудом выпрямившуюся отцовскую спину. Он бодро тащил за собой чемодан, тархтение которого заглушал разговор, завязавшийся между этими двоими.

– Вы приехали осмотреть монастырь? – спросила Лика громко, чтобы никому не показалось, будто она подслушивает.

– Монастырь? – Анита едва слышно рассмеялась. – Даже не знала, что он тут есть.

– Есть. Очень старый – тринадцатого века. Вам стоит там побывать.

– Действительно, стоит...

Что-то в ее голосе заставило Лику насторожиться. Ирония имела едкий привкус. Мысль о монастыре горчит? Лика еще раз окинула ее взглядом: каково быть тенью сестры? И встретила прямой взгляд.

«А глаза! – ахнула про себя. – У младшей нет таких глаз...»

– У вас сейчас много постояльцев? – спросила Анита, отведя глаза.

– У нас в принципе немного места. Сейчас заняты десять номеров. Но для вас есть очень хороший!

– Кто у вас останавливается? Туристы?

– В основном.

– А как называется ваша гостиница?

– «Дом на холме».

– Холм-то невысок...

– Это верно. Но это не я придумала название... Вот и пришли.

Петр уже распахнул дверь и сам проскочил за Элей, забыв, что за ними идут еще двое. Лика усмехнулась и встретила понимающий взгляд Аниты.

– Надеюсь, моя сестра не испортит ваши отношения?

– Не поверите, – весело отозвалась Лика, потянув дверь на себя. – Он сам все испортил много лет назад... Это же мой отец.

Голубя он заметил не сразу.

Шагнув из подъезда, так и ахнул, прищурившись от густой, как на детском рисунке, синевы неба. Наконец-то! Уже казалось, лето вообще не наступит...

Час назад, когда Максим Филимонов выгуливал щенка, и намека не было на то, каким станет этот день. Они уныло тащились с Троллем от дерева к дереву под мелким дождиком, который хоть и не был осенним, но тоску нагонял ничуть не хуже. А теперь поглядите-ка!

«Счастье только таким и бывает – внезапным!» – подумал он и подался навстречу июлю, очнувшись от подростковой депрессии. Почему, взрослея, охотнее веришь в лучшее? И даже реверсивные следы от самолетов начинают казаться стрелками, оставленными судьбой, которая показывает верный путь, как в игре «Казачи-разбойники». Кажется, его поколение было последним, чертившим стрелки белыми мелками... Многие ли отыскивали свой клад?

– Только не я, – пробормотал Максим, заставив себя опустить голову. Должно быть, странно выглядит тридцатилетний человек в хорошем костюме, глупо улыбающийся небу.

Еще один шаг, и лохматый куст шиповника закрыл бы птицу на бетонном отливе под окном первого этажа, беспомощно барахтающуюся в собственной крови. Не сразу сооб-

разив, что у голубя сломано крыло, Максим первым делом подумал о кровожадной кошке, почему-то бросившей добычу... Может, он ее и спугнул, открыв дверь подъезда?

– Ох, бедняга, – вырвалось у него. – Что же с тобой случилось?

Это был ненужный вопрос, ведь никто не мог на него ответить. И Максим начал лихорадочно искать другие ответы: что теперь делать с этим голубем? Поможет ли ему ветеринар? Или птица уже при смерти?

Он взглянул на часы: если опять опоздает, Петр уволит его к чертовой матери, а такую непыльную работу еще поискать... Да и платит хозяин гостиницы неплохо.

Макс еще не успел разобраться ни с одним из вопросов, а голубь неожиданно превозмог боль и поковылял к нему, волоча крыло.

– Ты что? – Максим едва не попятился. – Ты куда собрался?

А птица уже подобралась вплотную, в ее круглых глазах померещилась мольба. Почему-то именно в этот миг Макс понял, что это – голубка, девочка: шейка тонкая, длинная, перышки темнее, чем у самца...

«Сам виноват, – мрачно подумал Макс, – заговорил с ней, дал повод надеяться на помощь. Теперь она не отстанет, с женщинами всегда так... Выкручивайся!»

Присев, он погладил темные перышки и виновато пробормотал:

– Я не могу, малышка... До ветеринарки добираться минут сорок по утренним пробкам. А мне ведь в другую сторону... Что ж делать-то, а? Здесь ведь тебя не оставишь, кошек целые полчища бродят.

Внезапно его осенило: через дорогу – часовня, на бульваре, там кошки вроде не появляются. Ни разу они с щенком не гоняли их там. Неужто и впрямь кошки – дьявольские создания? Не случайно же в Библии не упомянуты...

Макс одернул себя: «Бред! Ничем кошки не хуже остальных, и не их вина, что кто-то забыл вписать их в Книгу книг...»

Если бы не Троль, может, он и сам со временем завел бы кошку. Или кота. Эдакого ночного компаньона.

Отогнав неуместные мысли, Максим решил, что никто не тронет несчастную птицу возле часовни, не обидит под сенью креста. И если бедной девочке суждено умереть, так пусть это случится там... Может, сразу в рай?

Аккуратно подняв голубку, благодарно замершую в его ладонях, Максим быстро пересек двор, потом перебежал дорогу, не дожидаясь разрешения светофора, и чуть замедлил шаг у часовни. Ее строгие, белые своды, устремленные к ясному небу, уводили взгляд кверху, и на несколько секунд Максим замер в неожиданном благоговении.

Он нечасто бывал в храмах, испытывая необъяснимое смущение... В его жизни – так Максусу казалось – не было ничего, за что стоило благодарить или хлопотать перед самим

Богом. А зачем еще приходиться в церковь? Душу облегчить? Но и особых грехов Максим Филимонов тоже за собой не чувствовал.

Так же внезапно он и очнулся: «Опаздываю!» Наспех выbral ель погуще, чтобы невезучую птицу не намочило, если пойдет дождь. Да и от дневной жары спрятаться не помешает – днем обещали до двадцати пяти.

– Прости, – выдохнул Максим, опустив голубицу на землю. – Поправляйся! Если получится...

Не дав себе шанса передумать, он быстро пошел обратно – машина ждала его во дворе. Этой весной сделали парковку прямо с торца его дома, очень удобно. Правда, есть риск, что поцарапают коляской: молодые мамы протискивались прямо между машинами. Лень обойти десять метров!

Кажется, он еще успевает... Задрав манжет рубашки, чтобы в очередной раз посмотреть на часы, Максим заметил пятнышко крови. Не своей, конечно, птичьей. Но все равно это была настоящая кровь. Неподдельная боль, в сравнении с которой все его беспокойство по поводу опоздания внезапно показалось такой ерундой. Суета сует. А голубка мучается там... Ведь единственный человек, который попался ей, решил: жизнь птицы не стоит того, чтобы опаздывать на работу. Ничего для него не значащую, между прочим...

Тихонько взыв, Максим бросился назад: «Черт с ним! Придумаю что-нибудь. В первый раз, что ли?» Он добежал до часовни и метнулся к знакомой ели, но птицы там уже не

было.

Но тут услышал скрип и быстро обернулся: женщина в светлом платочке придерживала дверь бедром, потому что руки ее были заняты чем-то...

Еще не разглядев толком, Макс понял, кого она заносит в храм, и у него отлегло от сердца. Он даже усмехнулся от облегчения: «Девочка, ты в хороших руках!»

И стало неловко от того, как он не любил раньше всех этих церковных тетушек и бабушек, казавшихся ему ханжами. А вот одна из них пришла ему на выручку, доведя до конца доброе дело, на которое он вроде как подрядился, но бросил... Сняла грех с его души.

Воровато оглянувшись, Максим торопливо перекрестился на купол часовни. Вроде никто не видел его... И все же, как никогда раньше, он ощущал, что за ним наблюдают.

* * *

К нашей гостинице от станции ведет древесный тоннель. Это не я так придумала его называть, у меня сроду фантазии не хватило бы! А наша Лика еще и не такое придумать может...

Я, когда впервые услышала от нее про этот тоннель, даже вышла посмотреть – и правда похоже. Вязы над дорогой сцепились верхушками, ветвями сплелись, вот и получилась длинная такая, метров на двести, арка-тоннель. Видать, де-

ревья тоже, как люди, тянутся друг к другу.

– Зоркий глаз у тебя, – сказала я тогда Лике.

А она прямо залилась смехом! Я сперва чуть не обиделась, хотя она у нас вообще хохотушка и остальных вечно смешит. Но тут я вроде не шутила...

– Зоркий глаз!

И вдруг до меня дошло, как мои слова прозвучали. Нашла, кому сказать! Она ж очки не снимает... Маленькие такие, аккуратненькие, и очень Лике идут, может, поэтому я и забываю, что она у нас совсем слепенькая.

Вот хоть как меня убеждайте, а это компьютер ей зрение испортил! Сто процентов. Вечно девушка наша сидит со своим ноутбуком или строчит на нем, вот зрение и садится. А глаза у нее красивые такие, большие, серо-голубые, как наше небо подмосковное.

Это тоже не я придумала... Максим такое при мне сказал, а Лика, дуреха, опять расхохоталась. Вот с чего, а? Он же ей комплимент сделал! Поди, неделю с духом собирался – неразговорчивый он парень. И Лика-то – не сказать, чтобы избалована мужским вниманием. Парня у нее нет, уж я бы заметила. И постояльцы с ней особо не заигрывают.

Я-то нашу Лику ужасно люблю, но прям красавицей ее не назовешь... Сейчас такие не особо спросом пользуются, кто другой ее, может, и толстушкой назвал бы, только не я. Мне в этой девочке все по душе. Но особенно волосы хороши, пшеничные, длинные, прямо загляденье. Жаль, она не особо

за ними ухаживает, соберет в «хвост» – и готово.

В общем, очки и хвост – вот и вся краса. Только Лику фору любой модели даст.

– В ней обаяния уйма... И веселый нрав.

Так наш повар говорит, Олег. Подозреваю, что он в этом толк знает... Это сейчас ему уже за полтинник перевалило, или вроде того, а раньше точно успехом у дам пользовался. Есть что-то такое у него в лице... Даже не знаю, как объяснить, только взгляд цепляет – не отвести. Не мой, конечно! У меня свой Паша есть, уж сорок лет как, столько и не живут... Мне, кроме него, никогда никто не был нужен. Бывает же... Сама удивляюсь!

Мы с мужем раньше вместе работали – на кондитерском комбинате в Москве. Он до сих пор меня самой сладкой конфеткой называет, хотя сейчас уже смешно, наверное... На работу вместе, с работы, и ничуть друг другу не надоели, верите?

А как я на пенсию вышла, меня там ни дня держать не стали. Вот и вся благодарность за долгий труд... Паша теперь один в Москву мотается.

Я без работы как осталась, думала, с ума сойду! Дочь с внуками в Краснодар переехала, поближе к солнышку. В Подмоскowie-то его не дождешься! Дачи у меня сроду не было. По музеям да по театрам одной скучно ходить. Куда себя девать?! Телевизор осточертел уже...

Хорошо, как раз под боком эта гостиница открылась! Я

тут уборкой занимаюсь, порядок навожу. Чувствую себя хозяйкой большого дома, какого у меня отродясь не было.

А настоящей хозяйки нет: владелец гостиницы, Петр Николаевич Новиков, с Ликиной матерью давно развелся. А последняя его жена вроде как померла. Когда и отчего – никто не знает, это еще до постройки гостиницы было.

От нее девочка осталась – Тася. Ей лет тринадцать, а может, побольше. Не разберешь их сейчас! Ростиком она маленькая, пухленькая – в Петра пошла. Он у нас крупный мужчина... Только беленькая и стриженная, как мальчишка. Волосюшки торчат, как у птицы с взъерошенными перышками...

А глаз ее я так ни разу разглядеть и не смогла! Вечно в пол смотрит, когда просеменит по холлу, и прыг в папину машину. На бегу буркнет:

– Здрасьте!

И нет ее.

Я Тасю толком и не вижу, она почти не спускается из пентхауса, в который ни постояльцам, ни персоналу хода нет. Даже не представляю, кто у них там уборку делает? Уж точно не Тася. И не сам же Петр! Вот загадка...

Недавно Петр перевел дочку на домашнее обучение. Как по мне, зря он это сделал, девочка совсем в себя ушла. Он, видать, и сам понял, что сглупил. И тогда Лику заманил на работу, чтоб хоть она сестру расшевелила.

Но, видать, не особо это у нее получается... Не родные же

сестры, сводные. Вот Тася и не подпускает Лику к себе.

Хотя злиться не на что, это у старшенькой могут быть претензии, а Лика трагедию не раздувает. Чего только у взрослых людей не случается, она уж большая – понимает.

Из Лики отличная хозяйка гостиницы вышла бы, если что... Может, не мне одной это в голову пришло, и Петр тоже присматривается? Но пока Лика больше с бумажками да поставками возится, а я за всеми мелочами слежу. И очень мне это нравится! Забот, конечно, хватает, но они больше приятные: чистую постель застелить, зеркала и краны протереть, пропылесосить, чтоб ни соринки не было. Это ж все одно удовольствие!

К тому же постояльцы у нас тихие, по углам не блюют, двери не ломают. Это все потому, что старинный монастырь под боком и еще пара музеев в городке. Не так чтоб особо интересных, но люди приезжают их поглядеть и у нас останавливаются на ночь, на две. Подолгу редко задерживаются, разве что командированные. Да трое постоянных жильцов. Но это уже отдельный разговор...

А место, где наша гостиница построена, – загляденье просто! Только жить и жить. Петр участок со вкусом выбрал, не откажешь: на высоком берегу Клязьмы, чтоб не подтапливало, а вокруг такие луга, как с картины про старую Русь. Тех еще, славянских времен, когда все нетронутое было.

Верите, нет, я всю жизнь в соседнем городке прожила (две остановки на маршрутке!), а почему-то здесь не бывала.

Прям ахнула, как увидела эту красоту. И сразу решила, что останусь работать, лишь бы только любоваться, хоть изредка.

Правда, работы у меня не завались, не то что у Лики. Уж не знаю, что там за уйма дел у управляющего такой маленькой гостиницы, как наша... Или это Петр Николаевич решил завалить девчонку всякими отчетами? У них ведь не сильно нежные отношения...

Я уж потом узнала, что Петр от ее матери ушел, когда Лике всего лет семь было. И, видать, редко наезжал в гости, девочка к нему и привыкнуть не успевала. Поэтому и держится, как с чужим...

Но и Петр особо не пытается ее расположить, сухо разговаривает, как с любым из нас. Я вообще не пойму, зачем Лика согласилась у него работать? Семейным этот бизнес не назовешь, она не в доле, просто наемный работник. Или отец платит так хорошо, что от такой зарплаты не отказываются?

А может, он ей наследство посулил? Других-то детей, кроме них с Тасей, не нажил, хоть и старался (видать, направо и налево). Только младшенькой дочке этот бизнес поперек глотки встанет, это уже и сейчас ясно. Нет в ней этой жилки.

Да и папаша их все больше от дел отходит. Видок у него малость потасканный, под глазами мешки, как у алкоголика, хотя Петр не злоупотребляет, это точно. Поэтому гостей хозяин сам никогда не встречает, это Ликина обязанность. К нам же люди все больше интеллигентные приезжают, часто – верующие, а тут такая морда помятая явится...

Олег, повар наш, тоже погулял за жизнь, как пить дать! Но не так истаскался, хотя они с Петром примерно одного возраста. Могли бы подружиться, но не вышло. Видать, Петр Николаевич в людях не особо нуждается. Ни в друзьях, ни в женах, ни в детях...

А вот дело Петр хорошо поставил, тут ему не откажешь. Проследил, чтоб само здание без изъянов построили, так что зимой тут тепло. Никаких «мостиков холода» нет. А летом вентиляция хорошо работает, духоты не бывает. И вокруг все в порядок привел: парковка, детская площадка, зона для барбекю – все имеется.

Я уж заприметила, что одни и те же люди у нас останавливаются, когда приезжают Святым мощам поклониться. Значит, нравится им наша гостиница. Это Лика всех попросила говорить не «отель» и не «мотель», а «гостиница». Мол, у нас место такое – самое что ни на есть русское.

«Какой, к черту, отель?!» Это уже Максим добавил – поддержал ее. Правда, Олег тогда ухмыльнулся:

– А тебя «привратником» называть вместо «портье»?

Тут Максим малость растерялся, но на этот раз Лика пришла ему на выручку:

– Для нас всех он просто Максим, вы же не зовете меня «управляющей»! Или Дашу – «горничной».

Это она про меня. Мы сразу договорились, чтоб ко мне по отчеству никто не обращался, хоть я и старше всех. Пускай это смешно, только мне среди молодых тоже захотелось по-

чувствовать себя хоть малость моложе. Даша – и Даша.

И все как-то легко к этому привыкли, даже на «ты» обращаются. Но не от неуважения «тыкают», как прислуге, а так, знаете, по-родственному. А мне это только в радость! Вроде как опять у меня большая семья... Вот Паша до пенсии дотянет – может, Петр и его сюда возьмет. Сторожем или кем... Ладно, до этого еще три года, много воды утечет. Чего загадывать?

Что под носом происходит, и то не всегда понятно... Вот когда Лика за Максимку вступилась, я, грешным делом, подумала, будто у них наклеивается что-то. Он парень ничего, уважительный, умный. Говорят, раньше в газете работал. Журналист, значит. Дурака же не возьмут статьи писать, правда?

И еще Максим симпатичный! Правда, Лика однажды брякнула, что у него мордочка, как у щенка... Хорошо, он не слышал, а то, как по мне, в этом мало приятного. У нее это, конечно, ласково получилось, она как-то умеет даже замечания так сделать – необходимо выходит. Только все же лучше Максиму не знать, что она его со щенком сравнила. Хоть бы со взрослым псом!

Мне за него прямо обидно стало, хотя щенков я люблю. Даже подумывала завести, когда на пенсию вышла, но тут как раз эта работа подвернулась. И я решила, что с людьми всяко интересней, чем с собакой! Хотя с ней, конечно, надежней...

– Знаешь, почему Авдонин постоянно обитает здесь? Из-за Набокова: тот предпочитал жить в отеле. Авдонин сам говорил об этом в одном интервью. Непонятно, зачем признался? Правда, не уточнил – в каком...

Скрестив маленькие босые ноги, Анита сидела на кровати. В их двухместном номере оказалось тепло, и она осталась в одной майке и коротких шортах. Лица не обманула: тут было довольно уютно, по-домашнему, и Авдонина можно было понять... Он создал себе иллюзию дома, в котором всегда можно найти общество. Если захотеть.

«Эта Лица – милая, – подумала она, мысленно восстанавливая портрет. – Но с Элькой ей, конечно, не сравниться! Да и никому...»

Сестра скользила по комнате в прозрачном розовом пеньюаре, похожая на длинного, узкокрылого мотылька, подсвеченного закатом.

– Набоков? Это который «Лолиту» написал?

Эля глянула на нее рассеянно – ей никак не удавалось найти свою щетку для волос. Помнила же, что достала из чемодана... И где она теперь?

– Не только.

– Да? Вот же она! – Элька схватилась за край ручки цвета слоновой кости, торчавшей из-под сброшенного на кресло

плаща. – Как сюда-то...

Залюбовавшись ее свободными движениями, в которых не было ничего деланого, Анита едва заметно улыбнулась.

– Ты в детстве постоянно искала игрушки... Почему тебе всегда нужна была именно та, которой не оказывалось под рукой?

– У меня и с людьми та же ерунда... Так он что, живет здесь, подражая Набокову? Вот дурь-то какая!

Анита чуть пожала плечами, на которых заметно выступили почти детские костяшки.

– Нельзя назвать это слепым подражанием. А вдруг он талантливее Набокова?

Эля швырнула щетку на кровать.

– Что значит – вдруг?! Ты же читала его!

– Читала... Но мне ли судить?

– Здравсьте! А кому же еще?

– Не знаю... Более сведущим людям.

– А ты прям дурочка! Не смей меня...

Эля остановилась перед ней – тонкая, устремленная ввысь, как светлый ангел. В ее лице проступила строгость, которая была знакома только сестре.

– Сегодня мы его уже не увидим.

– Если он вообще здесь.

– Ты же это точно знаешь, правда? – возмутилась Эля. – Только не говори, что не уверена!

Откинувшись на спину, Анита распластала на кровати ру-

ки. Блестящий навесной потолок смутно мерцал отражением. Ей подумалось, что завтрашний день столь же неопределен и загадочен. Как они встретятся с Романом Авдониным? Что скажут ему? Как и договаривались, начнут плести неведомые петли словес?

– Завтра, – прошептала она. – Все решится завтра.

Сестра прилегла с ней рядом, ткнулась теплым носом в плечо.

– А вдруг он даже не обратит на меня внимания?

– Ты сама в это веришь? – Анита улыбнулась. – Разве можно не заметить тебя?

– Может, и заметит... Но не западет.

– Ему сейчас, наверное, под шестьдесят. И он одинок. Насколько я знаю... Не может он не влюбиться в юную и прекрасную.

– Это ты обо мне? – Эля ткнула сестру в бок.

Резко увильнув, Анита усмехнулась:

– Нет, о себе! Конечно же, о тебе. Ты заметила, как сразила хозяина гостиницы? Как там его?

– Не помню...

– Поверь, у нас все получится. Он влюбится в тебя с первого взгляда. Как и все остальные.

– Я надеюсь.

Свернувшись клубком, Эля положила голову ей на живот. Привычно запустив пальцы в мягкие волосы сестры, Анита на секунду закрыла глаза: «А что потом?» Этого они ни разу

не обсуждали. «Потом» пока не имело значения.

– Мы ведь даже не знаем, как он выглядит...

Анита вздохнула.

– На книгах нет его фотографии. И он ни разу не дал ни одного телеинтервью. В издательстве говорят, что он отвечает журналистам письменно. Ни с кем не встречается. Писатель-мистификация.

Выгнув шею, Эля снизу посмотрела ей в лицо.

– То есть вообще никто не знает, как Авдонин выглядит?

– Никто. Даже его редактор. Или хорошо скрывает.

– Ты же специально устроилась работать в это издательство! Уж разнюхала бы, если б кто-то его знал...

Анита легонько постучала пальцем по темечку сестры.

– Зато я узнала, где он живет.

– Ну да...

– Здесь не так много постояльцев. Даже если Авдонин живет под чужим именем, мы его вычислим.

– А можно поселиться под чужим именем?

– Если он так шифруется, может, у него и липовый паспорт есть...

– С какого перепуга? – пробормотала Эля.

– Скоро ты это выяснишь...

– Значит, Лолита?

Рука Аниты замерла.

– При чем здесь... Ты ведь уже не маленькая девочка.

– Да ладно! Я до сих пор чувствую себя маленькой. Твоей

младшей сестренкой.

– Ты и в семьдесят останешься моей младшенькой... Слушай, если у тебя какие-то сомнения, то...

– Нет!

Нащупав руку сестры, Эля вернула ее на место.

– Гладь... Никаких у меня сомнений, вот еще! Мы сто раз все обсудили. И знаешь, что... Я точно знаю: у нас все получится. – И пробормотала уже совсем сонно: – Чувствую...

Всматриваясь в темные загогулины их отражений на потолке, Анита тихо проговорила:

– Мы проделали слишком долгий путь, чтобы провалить это дело.

– Сорок минут на электричке от Москвы...

– Я не о километрах говорю, ты же понимаешь. Это желание так глубоко вросло в нас, что нам просто некуда деться. И давай-ка укладываться, уже полночь, – спохватилась Анита. – Нам нужно хорошенько выспаться перед... решающей схваткой.

Она сама рассмеялась своим словам и вдруг ощутила, как безвольно голова сестры подпрыгивает на ее животе. Чуть приподнявшись, Анита заглянула в лицо спящей и улыбнулась. Пришлось выбираться из-под нее, но Элю это не потревожило. Она тут же вытянулась во весь рост на освободившейся постели, и осталось только укрыть сестру покрывалом, снятым с кровати, потому что одеяло оказалось под ней.

Погасив свет, Анита прислушалась к ровному дыханию Эльки и потрясла головой, отгоняя пугающие мысли о том, как она будет жить, когда сестра выйдет замуж. Не может не выйти... Пойти в ее дом приживалкой? Замкнуться в одиночестве? Родить «для себя»? Зачем? Другой Эльки уже никогда не будет... Да и как в одиночку поднять ребенка на редакторскую зарплату?

Нырнув под душ, она зажмурилась, впитывая тепло всей кожей. Ах, как хорошо... Надо научиться жить, довольствуясь маленькими радостями: теплом, хорошей книгой, чашкой кофе с шоколадкой. И радоваться, что есть хоть это.

Да и Элька не бросит ее совсем, в любом случае будет появляться, врываться в ее тихий мирок свежим ветром. А потом появятся племянники, сделают ее доброй старой тетусшкой...

Анита затрясла головой: «О нет, нет! Разве я могу стать старой?»

Впрочем, тут же признала она, племянники – далеко не худший вариант. Ответственности никакой, а привязать их к себе она постарается.

И, уже забравшись под одеяло, продолжила тешить себя этой мыслью о нерожденных малышах, которых однажды подарит ей сестра. Зажмурившись, увидела, как солнечный свет упал на большой, еще не купленный диван, где она усеялась с племянниками, чтобы почитать книгу. Она подарит им свои любимые книги про приключения!

Мысленно Анита долго перебирала корешки книг, которые обязательно нужно прочесть заново, пока ее не сморил сон.

* * *

На ночь глядя заселились две сестренки. Вот я с первого взгляда угадала, что они кровные, хотя не сказать, что сильно похожи. Но есть какая-то общая примета... Даже не могу сказать какая.

А девочки хорошие, вежливые. Особенно та, которая старшей оказалась. Я их с вечера-то не видела, моя смена уже закончилась. А утром гляжу: новенькие кофе пьют в «Пещере» – так Петр наше кафе назвал. На ресторан оно не тянет, маленькое больно. Но обеды Олег хорошие готовит, к нам даже просто так перекусить приходят – местные. У нас же тоже тут бизнесмены развелись, пара банков неподалеку открылась. Вот эти «белые воротнички» на обед и заглядывают. Это Лика их так прозвала, они же всегда в костюмчиках, при галстучках. Ну, и белые рубашки, само собой.

Но что эти сестренки не с улицы зашли, сразу стало понятно: та, что повыше, – настоящая красотка! – в коротеньком халатике пришла кофе попить. Ножки длинные, но не копченые, как сейчас принято. Может, солярия боится? Я им тоже не доверяю как-то... А загореть этим летом негде! Солнце только-только прорезалось.

Вторая, правда, успела одеться, если это можно считать нормальной одеждой для девушки: растянутая кофтярка висит с плеча, джинсы – сплошная рванина. Да, я знаю, что это модно сейчас! Но глаз не радуется. Уж лучше желтенький пеньюар, как у длинной.

Чего они так рано подорвались, я интересоваться не стала. Петр нам настрого запретил приставать к постояльцам с расспросами. Мое дело порядок наводить, остального я не касаюсь.

Но маленькая сама меня подозвала, культурно так спросила, как ко мне обращаться. И очень удивилась, что я только имя назвала – без отчества.

– А мне так приятней!

Понятно, руку я им совать не стала, хоть и вытерла ее о передник – на всякий случай. Не мужчины ж мы, чтобы руки пожимать. Тем более они видели, как я влажной тряпкой орудую...

Сестры переглянулись, но улыбнулась только одна, которая Анитой представилась. Что за имя такое? Не слыхала раньше.

А свою красотку-сестру она Элей назвала. То ли Элла, то ли Элеонора... По записи регистрации можно проверить, но мне-то какое дело?

Она мне вообще не особо понравилась, если честно. Взгляд такой, будто сквозь тебя смотрит. И не улыбнулась ни разу. Хотя бы для приличия – ради знакомства. Но этой

Эле, видно, плевать на приличия... Может себе позволить... с такими-то ногами!

Зато у Аниты даже глаза улыбались, пока она меня расспрашивала, какой до монастыря транспорт ходит и что еще в городе посмотреть. Я ей оба музея посоветовала, а она вдруг:

– Даша, а какие там экспонаты наиболее ценные?

Нашла у кого спрашивать!

– Это не ко мне, девочки. Вон, у Лики спросите, она больше моего смыслит.

– Она – искусствовед? – процедила Эля.

Да таким тоном, как будто с нашей Ликой ей не к лицу даже рядом стоять, не то что совета у нее спрашивать. Очень мне это не понравилось!

Но Анита тоже сообразила, что меня этот гонор ой как задел, и поспешила все исправить:

– Эля хотела уточнить, не живет ли у вас кто из профессионалов? Может, кто-то из ученых? Писателей?

– Чего нет, того нет, – призналась я.

И заметила, что их мой ответ прямо огорошил. Может, они думали, у нас тут прямо симпозиумы какие проходят? Только «Дом на холме» же не пятизвездочный отель! Маленькая гостиница, три звезды.

Я им так и сказала:

– А вы, девочки, адресом не ошиблись?

Эля свой ледяной взгляд в сестру так и вонзила, мне Ани-

ту даже жалко стало. Видать, это ее идея была у нас поселиться. Сожрет ее эта белокожая змея сейчас...

И так стало жаль малышку, что меня осенило:

– А вы к Татьяне Михайловне обратитесь! Уж не знаю, в какой она области работает, но человек образованный. Докторскую пишет.

– У вас? – удивилась Анита. – Она живет здесь постоянно?

– Может, ей так спокойней... Деньги есть, бытом заниматься не надо: все тебе помогут, принесут, приготовят. И тихо у нас, воздух свежий. Чем не жизнь?

Эля зевнула во весь рот, даже не подумала прикрыться. Зубки все здоровые, белые... Мое описание на нее, видать, тоску нагнало. А вот Анита совсем наоборот – оживилась:

– А у вас только Татьяна Михайловна постоянно живет?

– Нет, зачем же... Еще у нас профессор есть.

Тут Эля вдруг проснулась. Глаза у нее и так не сестрины – узкие, а тут прямо в стрелы превратились.

– Профессор? А как его зовут?

– А вот верите, не знаю! Он велел себя профессором называть.

Не пойму, что их так заинтересовало, только переглянулись сестры очень даже выразительно. И Эля даже пробормотала что-то, только я не разобрала.

– И еще один актер, – добавила я до кучи. – Мемуары пишет.

– Пишет? – уцепилась Анита. – Мемуары? Даша, а вы точ-

но знаете, что он актер?

Откуда ж мне знать? В кино Глеб Константинович не снимался. Говорит, всю жизнь отдал сцене... Только где эта самая сцена, я понятия не имею. Так девочкам и сказала.

И тут вошла Лика. Я и не знала, что она в гостинице ночевала. Видать, из-за этих новеньких задержалась вчера и опоздала на электричку. Так-то она обычно к десяти утра приезжает, из Москвы же добирается. Я ее на час раньше никак не ожидала увидеть и поняла, что попалась: больно Петр не любит, когда мы с постояльцами лясы точим!

И Лика в этом отца поддерживает. Всегда говорит: «Никаких сплетен у нас быть не должно. Кости никому не перемывать! А то во второй раз человек к нам не поедет».

А у нас и так дела не шибко идут, надо за каждого хвататься, это понятно. Вот почему я чуть под землю не провалилась, когда Лика меня застукала болтающей с этими сестренками. Ясно же, что я не по делу возле них кручусь... Не официантка, кофе не приношу, что мне тут делать?

Но Лика при гостях сроду замечаний персоналу не делает. Подарила всем разом вежливую улыбку:

– Доброе утро!

И на кухню прошла. Дала мне возможность уйти подобру-поздорову. А девочки остались свой кофе допивать. Только он остыл давно, лучше б свежий заказали...

Снова я их уже после завтрака увидела. У нас такая

небольшая гостиная есть с камином, где постояльцы любят собираться вечерами. Не все, конечно, а компаниями, человека по два-три. Сидят, разговоры разговаривают... Могут себе позволить! Я туда не захожу в такие часы, чтобы не мешать. Стараюсь с утра пораньше везде уборку сделать.

А тут еще утро вроде, а сестренки уже угнездились там. Уселись рядышком на большом диване и шепчутся о чем-то... Эля переоделась в платице, но все равно ноги напоказ оставила. И поджала их так красиво, как только в кино умеют. Тапочки сняла и уложила босые ножки – пальчики длинные, красивые. Лак неяркий, чуть поблескивает, и оттого взгляд прямо приманивает. У меня сроду так не получится!

Да я и в ее годы не умела держаться, как артистка. Куда мне! А все ж таки мой Паша и во мне ухитрился что-то такое разглядеть – на всю жизнь его зацепила. А он – меня. Как подумаю об этом, сердце замирает: какие мы с ним везунчики! Не всем красоткам удастся своего человека найти, а у меня получилось.

Так что я этой Эле ни капельки не завидую... Ни юности ее, ни красоте. Она, похоже, и сама им особо-то не рада, раз колючая такая. Это ж неспроста! Не дура, значит, понимает: одной красотой счастлив не будешь. А кроме того, что в ней есть – я еще не разобрала. Пока что кажется: ледышка ледышкой!

Как я на пороге гостиной появилась, Эля сразу умолкла.

Хотя на кой мне их секреты? А ее сестра обернулась и рукой меня поманила:

– Даша, идите к нам.

– Да мне работать надо, – говорю.

Ни к чему, чтобы Лика меня опять с ними застукала. Или сам Петр, что еще хуже. Он только с виду непрошибаемый, как скала, но раз дочуля его, Тася, такая зашуганная, значит, очень даже может кулаком по столу. Но я в это не лезу, какое мое дело?

Анита не сдалась:

– Даша, на секундочку!

Пришлось подойти, не бежать же от них...

Интересно, думаю, что за вопрос у них? Поди, Максимку заприметили... Он у нас такой симпатяга, им все туристки интересуются. Только он этого будто и не замечает. Ни разу не видела, чтоб с кем-нибудь особенно разговаривал, игриво эдак. Нет, он прямо как английский джентльмен – красивый и невозмутимый. Это опять же Лика его сравнила, не я придумала.

Только Анита меня огорошила: ее вовсе даже и не Максим заинтересовал! Вот же странная молодежь пошла...

– Скажите, Даша, – начала она очень вежливо и глазки свои большущие выкатила на меня – так и держит взглядом, – а кто из этих троих дольше всех тут живет?

– Профессор или артист? – бросила Эля.

Анита быстро взглянула на нее и добавила:

– Или ученая дама?

– Она-то при чем?

У старшей бровки на миг съехались – строго так! И сразу стало ясно, что девочка-то может показать, кто в доме хозяин. Ну, то есть в их семье.

Красотка Эля сразу умолкла. Нет, еще успела буркнуть:

– Чисто спортивный интерес.

– Мы просто моделируем ситуацию: в какой профессии удобнее работать на удаленном доступе, – пояснила Анита.

Я не особо поняла, о чем она говорит. Удаленный доступ – это что-то вроде свободного графика? Но мне по-любому нечего было ей ответить: когда я устроилась работать в гостиницу, все трое уже обосновались здесь. А кто из них когда тут появился, меня никогда не интересовало. Других забот, что ли, нет?

У этих девчушек, видать, забот и впрямь не было, раз их незнакомые люди так зацепили. Наверняка у них папа бизнесмен какой-нибудь, а они живут себе припеваючи. Развлекаются за его счет! Такие Максима не заметят, он для них – всего лишь обслуга. Они же своего круга мужчин ищут.

Хорошо бы и он на эту Элю не запал... Наша Лика куда лучше!

* * *

Напряженное лицо, смутно проступающее в запотевшем

зеркале, – чье оно? Отброшенные мокрые волосы не закрывают лба и длинной шеи, но слипшимися прядями спадают на уши. Хотя закрывать их не требуется – совсем небольшие, прижаты к голове. Ровные узкие брови, серые, будто постоянно прищуренные глаза, прямой короткий нос. Неплохо.

Подбородок слегка вздернут, и это немного портит лицо, придает ему забавное выражение. Черты мелковаты, но сочетание получилось пленительным, о чем Максим долго и не подозревал. Его никогда особенно не занимало, как он выглядит. Просто было как-то не до того...

Все изменилось вчера, когда он похоронил своего щенка. И одиночество навалилось на грудь, не давая свободно дышать. Жизнь не должна быть тихой... Кому-то нужно сопеть рядом во сне и с легким стоном потягиваться по утрам, шлепать тапками или хотя бы цокать по полу когтями.

В доме должны звучать оклики «Хочешь кофе?» или «Прошу к столу!». И свисток чайника, который кто-то другой поставил на газ... Всплески бормотания, неожиданный смешок, даже чертыханье, когда что-то свалилось на пол, – такими должны быть звуки счастливого мира.

Пока здесь жил пес, был жив и дом. Точнее, конечно, квартира, которую Максим снимал, отдавая половину зарплаты. Сегодня впервые задумался: зачем съехал от родителей, какой в этом был смысл? Почему не поселился в гостинице, где работал уже почти год? Чтобы оказаться в плену одиночества?

Никакой радости от так называемой свободы он не испытывал... Может, лишь в первые дни, когда почувствовал себя «большим»: никто не требует, чтобы ты не расставлял кроссовки посреди коридора, и не заставляет завтракать, если этого совершенно не хочется... А через месяц заметил, что сам убирает обувь и варит по утрам кашу.

Однажды стало невмоготу, и Максим вернулся домой со щенком... Которого больше нет. А он зачем-то пытается разглядеть свое лицо, словно не знал его до сих пор и, случайно заметив отражение, удивился: «Кто этот парень?»

Отчасти так и было, ведь Максим Филимонов нечасто заглядывал в зеркало. Даже не поверил, когда в выпускном классе в День всех влюбленных учительница все картонные сердечки от девчонок вывалила на его парту.

– Это розыгрыш какой-то?

Нервно усмехнулся: почему им вздумалось издеваться именно над ним? Не изгой, не лидер. Но и не безликий середнячок, просто живет сам по себе. Обвел взглядом все лица, не сомневаясь, что кто-нибудь сейчас не выдержит и расхохочется. Но одноклассницы прятали глаза...

А Максима внезапно затошнило от того, какой тяжестью навалилась горячая волна. От нее зашумело в ушах и потемнело вокруг. Кажется, тогда он впервые ощутил, как давит ответственность за чужие жизни. Хотя никто не умер от той первой любви – больше десяти лет прошло, уж сообщили бы.

Приблизив лицо к запотевшему зеркалу, Максим несколько мгновений пристально всматривался, потом сдернул полотенце с крючка и резкими круговыми движениями протер мутную поверхность. Он был встревожен, тонкий рот нервно подергивался, хотя порозовевшая после душа кожа выглядела безмятежно-младенческой... Новые знакомые принимали его за старшеклассника, хотя Максим уже успел бросить два института и с горем пополам поступить на заочное отделение третьего – столь же неинтересного ему, как и первые.

– У тебя тип вечного мальчишки, – говорила мать. – Этим отличаются многие люди с мелкими чертами лица.

В такие минуты Максим понимал, что она говорит и о себе тоже, ведь они были похожи. В детстве ему это не нравилось, ведь их схожесть отмечал каждый второй, и Максиму мерещилось, будто вот-вот прозвучит унижительное: «Маменькин сыночек!» Лучше б он выглядел, как отец, который всегда походил на большого и толстого добродушного пса – с круглой головой, круглым носом и круглым животом.

И не ему одному так казалось, мать тоже любила рассказывать гостям: «Когда Виталька влюбился в меня, ходил по пятам, как собака... Знаешь, с каким выражением бездомные псы в глаза человеку заглядывают? Вот так он на меня и смотрел... И все подарки носил... Такие роскошные туфли где-то достал! Итальянские. Это в те-то годы! Я только из-за этих туфель за него и вышла...»

Отец посмеивался, слушая это, а Максима даже в детстве

корезило от того, как мать публично выставляет его на посмешище. Отрекается... Но отец этого будто не понимал: в его лице всегда все улыбалось — глаза, рот, лоснящиеся щеки.

И это не было маской, Виталий Филимонов действительно был добрым человеком. Макс на всю жизнь запомнил старое видео, на котором молодой отец держит его, новорожденного, на руках и повторяет заворуженно:

— Какой он красивый... Ты посмотри, какой же он красивый!

Максим мог поклясться, что видел слезы на его глазах... И не мог понять, как его родители вообще нашли друг друга и прожили столько лет вместе? Разные, как два полюса. Или у них как раз тот случай, когда противоположности притягиваются?

Порой Макс ловил взгляд матери, светившийся нежностью. Но Людмила Васильевна тут же отводила свой, будто сын заставлял ее за чем-то постыдным. Она всегда была сдержанна в чувствах, в отличие от отца, который любил сгрести в охапку то одного, то другого сына, потискать их, точно и не прошло лет по двадцать с тех пор, как это было уместно...

Максим не протестовал, только смеялся. А Сергей начал злиться: его узкое лицо краснело, будто на него падал отсвет внутреннего огня, которому он пока не давал выхода.

«Надо бы съездить к ним, — подумал Максим, обматываясь зеленым баннм полотенцем, походившим на гигант-

ский фиговый листок. — Только не сегодня».

Через час ему нужно было заступать на смену в гостинице. Эту работу, презираемую родителями, он предпочел суетной журналистике, которая требовала быть нахрапистым, шустрым, жадным до жизни во всех ее проявлениях, а он таковым стать не сумел. Созерцательность и некая отрешенность были его главными чертами. Но в каком деле их можно было бы применить — Максим так и не нашел, а взросление требовало самостоятельности.

На какое-то время он смирился и пошел по стопам отца, обожавшего работу в городской газете. Виталий Филимонов не мог вообразить ничего более желанного, чем гуща толпы, в которой кипели новости, просившиеся в диктофон. Люди ему доверяли с первой секунды знакомства: его незлобивая сила действовала успокаивающе, и «спикеры» — от главы их подмосковного городка до «тети Маши» из соседнего дома — охотно раскрывали Филимонову душу. Не подозревая, что этот человек куда глубже, чем может показаться на первый взгляд...

Максиму подобная легкость не давалась. Для него было мукой заставлять себя обращаться к незнакомым людям, просить их прокомментировать что-то... Он хорошо писал, но не с чужих слов. Ему нравилось изливать на бумагу собственные мысли, что и подметил отец, догадавшийся, что живые люди Максиму просто неинтересны. А без любопытства к разнообразию судеб в журналистике никак.

Во многом он был прав: Максу всегда было проще общаться с выдуманными людьми или с животными, которых он таскал домой с детства. Однажды принес трехцветную кошку, которую выбросили соседи со второго этажа. Хозяева решили, что ей будет полезно родить разочек, и радовались, когда все получилось. Но они не ожидали, что Мисси станет отличной матерью и будет защищать своих слепых котят от хозяев же, которым так не терпелось тех потискать. Самый естественный, основной, что бы там ни говорили, материнский инстинкт так взбесил людей, которым он был непонятен, что кошка вылетела на улицу через форточку.

Максиму тогда было лет десять, и он старательно учился во дворе набивать мяч. У мальчика чуть не отнялись ноги, когда он увидел, как кошку выкинули из окна, и, захлебнувшись слезами, бросился к Мисси, имя которой знал, потому что ее хозяйка захаживала к его матери. Поймать кошку Максим не успел, но она не разбилась, успела вывернуться и приземлиться на лапы. Потрясенная и испуганная, она зашипела на мальчишку, упавшего на колени. Он что-то бормотал, уговаривая ее «пойти на ручки» и всхлипывая... Кошка не поняла ни слова, однако тон уловила и доверилась ему.

– Да вы с ума сошли! Она ж бешеная, – заявила соседка, которую Максим два дня умолял позволить ему оставить Мисси.

Он до сих пор не знал, какие именно слова подействовали на маму. Но кошка прожила с Максом шестнадцать лет.

Они идеально подходили друг другу: оба замкнутые, молчаливые, предпочитающие созерцать, но не участвовать. Общение с кошкой было так приятно Максиму, что одно время он даже подумывал стать ветеринаром, но быстро понял – у него для этого кишка тонка. Постоянно видеть чужую боль, слишком часто ощущать невозможность помочь и не озлобиться – для этого нужно быть сильным человеком. В себе Максим Филимонов такой силы не ощущал.

Но к животным его тянуло, как в детстве. Перед уходом из газеты одно из последних заданий редактора – о благотворительной собачьей выставке – обернулось для Максима довольно средненьким интервью с организатором, владельцем приюта, и приобретением единственного друга. Он выбрал щенка, забившегося в угол вольера, в то время как остальные бодро играли с замусоленными мячиками и фальшивыми косточками.

Уродом или слабаком малыш не был. Как и самому Максиму, ему просто было не по себе от неожиданного нашествия людей, многоголосицы и еще чего-то, тревожного, витавшего в воздухе: «Возьмут – не возьмут?» Они сразу потянулись друг к другу: когда Максим присел на корточки с обратной стороны клетки и начал молча рассматривать малыша, тот приподнял голову, которую прикрывал лапой.

Черные глазки его, похожие на мелкую, омытую дождем смородину, смотрели без страха. Щенок действительно не боялся – он просто не видел смысла в командных играх...

Максиму сразу вспомнилось, как в школе он терпеть не мог соревнования по волейболу или баскетболу, хотя неизменно побеждал в любых забегах. Он всегда был легким, но сильным – что называется, «жилистым». В семье считалось – в деда.

Максим совсем не помнил его, знал лишь фотографии, которые мать любила показывать им с Сережкой, будто бы перетягивая таким образом сыновей в стан своего рода. У нее было отличное детство, а выросла Людмила сдержанной на эмоции, суховатой. Даже странно, что делом жизни выбрала медицину... Взьерошить сыну волосы – было самой откровенной лаской, которую она могла себе позволить. А отец, старавшийся не вспоминать о первых годах жизни, так и фонтанировал любовью. Что-то пошло не по Фрейду...

На свое детство Максим не жаловался: отец устраивал своим мальчишкам и походы с рыбалкой, и сражения в пейнтклубе, и путешествия по миру. Сергей до сих пор разделял все его увлечения, а Максиму хватало того, что они работали в одной газете и виделись в редакции чуть ли не каждый день. Он понимал, как внутренне похож на мать... А хотелось бы – на отца.

То, что сын бросил журналистику, Виталий Александрович воспринял как оскорбление. У Макса был хороший слог, и писалось ему легко – только этим и заниматься! Старший Филимонов силился проявить понимание, ту самую толерантность, о которой ему столько приходилось рассуждать, и

внешне их отношения с Максимом не особенно изменились – но только на взгляд постороннего, который не мог заметить, что при встречах отец больше не пытался сгрести старшего сына в охапку...

И все же именно его номер Максим набрал первым, когда смог говорить. Ладони горели от черенка лопаты, которой он выкопал могилу своему Троллю. Назвал его так в шутку, а теперь мерещилось, будто имя и сыграло зловещую роль. Шутка стоила щенку жизни... Хотя ветеринар назвал причиной смерти энтерит.

– Чтоб дворняга померла от этой заразы? – не мог поверить старый доктор, так и не научившийся смотреть в глаза тем, чьих питомцев не смог спасти. – Редчайший случай...

Когда щенок под капельницей содрогнулся всем телом и замер, вытянув лапы, Максиму захотелось со всей силы садануть лбом о стену, возле которой сидел. Но это не заглушило бы боли, от которой разрывалось сердце... Он и не подозревал, что она бывает такой невыносимой. И с ужасом подумал о тех несчастных, у кого болят и умирают дети...

«Никаких детей! – едва не взвыл он и стиснул кулаки изо всех сил. – Никогда. Никого».

– Оставьте его у нас? – спросил ветеринар, отвернувшись к окну.

– Нет. Я сам...

– У вас есть одеяло? Или что-нибудь...

– Что? А, ну да. Я же принес его.

Доктор повернулся, хотя Максим все равно не смотрел на него.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже, – выдавил он. – Очень...

После звонка отцу, который рвался немедленно приехать, чтобы помочь похоронить щенка, точно не понимал, как важно Максу сделать это самому, он набрал Машин номер. Было жестоко сообщать по телефону, что ему больше не хочется ее видеть... Да еще с утра – отличное начало дня! Но ему не терпелось внести в свою жизнь определенность, раз накануне она, эта самая жизнь, так изменилась. Он понял: если до сих пор Маша значила для него меньше, чем щенок, вряд ли это могло измениться.

Решение Максим разглядел в зеркале, которое протер полотенцем, – он увидел лицо человека, созданного для одиночества.

«Я больше не перенесу такой боли, – он знал это наверняка. – А любовь может причинить ее в любой момент».

Конечно, еще оставались родители и младший брат, но Максим признавал, как ни стыдно было даже думать о таком, что их смерть не будет для него настолько болезненной. Они были родными. Но они существовали для него, как деревья вокруг: жалко, если срубят, но не плакать же из-за этого. Разумеется, никому на свете Максим не признался бы в

таком...

Маша не сразу поняла, о чем он вообще говорит. Они встречались третий месяц и были вполне довольны друг другом. Кажется, даже ни разу не поссорились – по крайней мере, ни он, ни она этого не помнили.

– Ты кого-то встретил? – попыталась угадать она, пойдя самым предсказуемым путем.

Он поморщился:

– Нет. Не в этом дело.

– А в чем тогда?

Ему вдруг (совершенно некстати!) вспомнилось, как Маша уверяла, будто совпадение первых слогов их имен – счастливая примета. Максим не говорил ей, что для него это «ма-ма» звучало не так уж радостно...

– Не принимай это на свой счет, пожалуйста, – попросил он.

И подумал, как это глупо прозвучало... Но Максим уже не мог остановиться и продолжал произносить глупости, от которых его мутило:

– Ты – замечательная! Просто невероятная. Это я... Понимаешь, у меня такой период. Мне хочется побыть одному.

– Только сейчас?

Он испугался: «Еще вздумает дожидаться!» И выпалил:

– Подозреваю, что я вообще не создан для... отношений.

– То есть ты меня не любишь, – перевела Маша на более понятный язык.

Хотя она этого не видела, Максим машинально пожал плечами:

– Можно сказать и так. Я никого не люблю.

– Ты – эгоист?

– Пожалуй...

– Но ты же любишь своего Тролля!

Она не знала. Просто – не знала.

С усилием сглотнув, Максим напомнил себе: ее нельзя упрекнуть в том, что в отместку ударила по больному. Он ведь не позвонил Маше, когда щенок заболел. Малыш сгорел за два дня...

Маше ничего не было известно, а у него не нашлось сил объяснить. Да Максим и не был уверен, что именно смерть, вошедшая в его дом, так все изменила. Она всего лишь протерла запотевшее зеркало и позволила ему увидеть себя самого.

* * *

Она не ожидала, что все окажется настолько запутано.

До того как они с сестрой перешагнули порог этой гостиной, Анита была убеждена, что главное – выяснить, где Роман Авдонин живет, и добраться туда. Адрес был верным: она три месяца проработала редактором в издательстве, выпускающем его книги, прежде чем удалось разговорить на корпоративе бухгалтера. Нет, точного адреса разговорчивая

тетушка не назвала, но сболтнула, что Авдонин постоянно живет в «Доме на холме».

– «На холмах Грузии»?... – пошутила Анита, пытаясь сузить круг поисков.

– Какой там Грузии! Тут, в Подмосковье. Гостиница так называется. Хотя, если честно, я не понимаю, чего он здесь торчит, если мог бы жить где-нибудь в Доминикане. Нет, ну скажи: какая разница, откуда тексты слать? И нам без разницы, куда гонорар переводить...

Анита поболтала оставшимся красным вином в бокале.

– Доминикана – это хорошо. Или Испания... А вы его хоть когда-нибудь видели? Авдонина.

– Его никто не видел, – шепотом сообщила бухгалтер. – В этом же и фишка! Наш издатель туману напустил. И сбоботало! Может, этот Авдонин и не Авдонин вовсе. И не Роман... А фамилию такую придумали, чтобы в любых списках в самом начале фигурировал.

– Тогда еще лучше «Абрамов» подошел бы. Хотя Абрамов в литературе уже был, – вспомнила Анита. – Да, «Авдонин» – хорошо. Даже перед Аверченко идет. Просто лучше не придумаешь! И «Роман» звучит подходяще.

Поэтому она была готова к тому, что человек, которого они с сестрой разыскивали, будет записан в гостинице под другим именем. Но Анита не сомневалась, что такой – живущий постоянно – будет всего один. Не придется гадать! А их оказалось двое... Строго говоря, даже трое, но Аните

не очень верилось, что писатель Авдонин может оказаться женщиной. И все же некую Татьяну Михайловну они решили пока тоже не сбрасывать со счетов.

– И все трое что-то пишут, – проворчала Элька. – Черт! Развелось писателей на нашу голову...

Вздыхнув, Анита потерела пальцем край прорези на джинсах. У нее была привычка что-нибудь мять или накручивать на палец, когда она о чем-то думала. Они все еще сидели в гостиной, напротив настоящего камина, обложенного камнем. Сегодня никто его, конечно, не разводил – за окном сияло солнце. Но даже таким, спящим, он притягивал взгляд, как таинственный грот, и не хотелось уходить отсюда, хотя обе помнили: каждая минута на счету. Не так уж много у них средств, чтобы долго жить в гостинице.

Аните понравилось, что камин окружают не головы убитых зверей, а крупные фотографии живых лосей, пятнистых оленей, кабанов, похоже, встретившихся в подмосковных лесах самому хозяину, – снимки явно были непрофессиональными. Фотограф подобрался достаточно близко, чтобы сделать крупные планы, но звери не испугались его, не почували угрозы. И это показалось Аните весьма убедительным доказательством того, что Петр не может оказаться Авдониным. Разве добрый человек способен на преступление, за которое они разыскивали этого таинственного писателя?

– Мы еще не видели никого из этих троих, – напомнила она. – Одного ли они возраста?

– А ты в курсе, сколько лет Авдониному?
– Когда это все случилось? Двадцать лет назад?...
– Девятнадцать, – машинально уточнила Эля и сама по-
морщилась. – Ну, без разницы...
– Да. Ему тогда было лет тридцать.
– Как и нашим родителям.
– Значит, сейчас ему должно быть пятьдесят. Плюс-ми-
нус...

Эля вдруг подскочила:

– Слушай! А этот... хозяин гостиницы. Ему ведь где-то так же!

Уставившись на нее в замешательстве, Анита пробормо-
тала:

– Элька, ты – гений... И он-то уж точно живет здесь по-
стоянно. Петр Николаевич, вот как его зовут.

Довольно улыбнувшись, Эля спустила с дивана ноги, по-
крутила узкими ступнями. Потом резко сдвинула широкие,
темные брови:

– Только чему мы радуемся-то? Еще один на наши голо-
вы!

– Задача усложняется, – вздохнула Анита. – Но ничего
не поделаешь, мы должны проверить все версии. Ты знаешь,
что Лика – его дочь?

– Да ладно?!

Анита виновато улыбнулась:

– Я забыла тебе сказать. Можно аккуратненько выпытать

у нее, где они жили двадцать лет назад. Девятнадцать. Если, допустим, они в те годы были далеко отсюда, значит, он тут ни при чем.

– Я попробую.

– Нет, лучше я. Кажется, у меня с ней наладился контакт.

– Когда это? – Эля насупилась.

Сестра легонько ткнула ее в бок:

– Еще вечером, когда ее отец, распустив хвост, гарцевал перед тобой.

– Прям уж... Старый кобель.

– Именно на это мы и рассчитываем, помнишь?

– Да помню я!

Анита вновь принялась теребить бахрому на джинсах.

– И все же я склоняюсь к артисту... Если вспомнить все случившееся... В общем, Авдонин должен быть чертовски обаятелен!

– Пойми попробуй, каким он был! Сейчас-то они все уже старики.

– Им пятьдесят! – ахнула Анита. – По нынешним меркам это самая что ни на есть молодость!

Скривив губы, Эля качнула головой:

– Ну, не знаю... Мне такие дядьки кажутся древними.

Внезапно она замерла, впившись взглядом в того, кто появился за спиной Аниты. Когда лицо сестры так наливалось светом, даже ей становилось трудно дышать. Ледяная Элькина неприступность приобретала теплый молочный оттенок,

а в улыбке проступала материнская нежность, против которой не мог устоять ни один мужчина. Анита надеялась, что ни один...

«Кто из них?» – успела подумать она, прежде чем услышала молодой голос:

– Добрый день! Простите, что потревожил. Я разыскивал Дашу.

Рассмотреть отражение в Элькиных глазах было невозможно, но то, как они расширились и заблестели, показалось Аните недобрым признаком. Еще не обернувшись, она уже твердо знала: этот парень слишком хорош, чтобы не испортить весь их план.

– Хотя вы, наверное, еще не знаете, кто это, – проговорил он скороговоркой. – Прошу прощения.

«Вышколен!» – отметила Анита – без презрения к вошедшему, но с уважением к хозяину «Дома на холме».

– Мы знаем! – выпалила Эля, вытянув шею, кожа которой была очень тонка, почти прозрачна. – Это горничная.

– Мы не называем ее так.

– Но это же... – она оборвала себя. Привычка доказывать свою правоту сейчас слишком легко могла обернуться против нее.

Ногти Аниты впились в ладонь, она даже не сразу это заметила.

Неужели сейчас все рухнет? Их грандиозный замысел рассыплется прахом из-за этого парня, на которого она до сих

пор даже не решилась взглянуть... Того, что Элькины глаза блестят при виде его, – более чем достаточно.

«Кажется, я уже ненавижу его. – Аните пришлось на- прячься, чтобы заставить себя повернуть голову. – Вот он. Обычная, смазливая мордаха... Да что с тобой, Элька?!»

– А что со мной? – сестра смотрела на нее в упор. В глазах сквозила обычная холодность.

«Я произнесла это вслух?!» – Анита ужаснулась и вскочила, готовая бежать прочь, если у кого-то из этих двоих вы- рвется смешок.

Взгляд заметался от одного лица к другому... Восхище- ние, нарастающее в душе, поразило саму Аниту – не до него сейчас! Но мысль уже родилась: «Бывают же такие красивые люди!» Казалось бы, видела сестру каждый день... Сейчас Элькино лицо она видела целыми часами, а она не могла ни привыкнуть, ни перестать удивляться ему.

Этот парень был ей под стать. Они могли составить пару, созданную для любования. И это было плохо. Просто ужас- но...

«Не для того мы приехали!» – прервала Анита поток мыс- лей. Для чего – знали только они двое, и третьего в их планы вмешивать было нельзя.

Она с мольбой обернулась к сестре: «Ты же это понима- ешь?»

Эля смотрела сквозь нее. И о чем-то говорила с тем, кто уже вошел в их жизнь, еще не сделав и шага навстречу. Он

просто стоял на пороге комнаты, но Аните отчетливо выдилось, как ее сестра отзывается на его неслышимый зов, уходит с ним, не оглядываясь.

«Я должна что-то сделать, – подумала Анита. – Должна. Она все провалит!»

– А вы кто?

Это прозвучало резковато. Нараставшая паника внезапно все заострила, каждое слово, словно дротик, Анита отчаянно метала в незваного... нет, не гостя, конечно, это они тут гости. А он? Кто он?

– Меня зовут Максим. Я... Я здесь работаю.

– А вам не пора начать свою работу?

Он чуть склонил голову:

– Если у вас будут какие-то пожелания...

И растворился в полумраке коридора.

От резкого толчка Анита чуть не свалилась с дивана. Элька нависла над ней разъяренной фурией, бледное лицо ее полыхало.

– Сдурела?! – прошипела она. – Так разговаривать с человеком?

Анита пролепетала, внезапно почувствовав себя маленькой, провинившейся девочкой:

– Он нам мешал...

– Чем это? Макс всего лишь искал горничную.

– Но ее же здесь нет!

«Почему я оправдываюсь? Это же она дала слабинку!» –

Анита незаметно сжала кулаки. И вызывающе усмехнулась:

– Как это он за секунду успел тебя покорить?

– Никто меня не покорял, – пробормотала Эля.

Дротик попал в цель, хотя сестру Анита не собиралась рани-
нить. Теперь можно было перевести дух. Подумать о деле.

И вдруг пришло в голову: этот парень – как его? – Максим
мог знать о постояльцах гостиницы куда больше, чем Даша,
если пришел сюда работать раньше. Надо было приворожить
его лаской, а не гнать. Может, еще не поздно?

Она пробормотала:

– Посиди тут минуточку, я сейчас.

И выскочила из комнаты, прежде чем Элька успела заце-
пить ее вопросом.

* * *

В коридоре оказалось темновато. От светильников, похо-
жих на оплывшие свечи, было немного толку. Нет, тьма, ко-
нечно, не была крошечной, но Анита все же касалась рукой
стены. Будто впереди могла разверзнуться пропасть, и нуж-
но было подстраховаться.

Она шла быстро, надеясь догнать Максима, пока не поме-
шали другие люди. Извиниться ей не составит труда. Заго-
ворить о какой-нибудь ерунде, а потом перейти к главному.
Только он не должен догадаться, насколько это «главное»...

Внезапно дверь в конце коридора отворилась, и кто-то

вышел. Ее сердце отчего-то екнуло, хотя пока она различала только высокую фигуру. То ли в плаще, то ли в халате. Несколько шагов навстречу, и Анита разглядела: на мужчине был длинный халат, кажется, темно-синий, с золотистыми кистями на поясе. Она сразу поняла, что это один из тех двоих – артист или профессор. Такой халат мог носить любой из них... Но эти пышные седые волосы, красиво зачесанные назад... Высоко вздернутые брови, чтобы чуть подтянуть верхние веки... Актер. Конечно, актер. Какой профессор станет так горделиво держать голову?

«Да ему куда больше пятидесяти!» – подумала Анита, почти поравнявшись с ним.

Это не вычеркивало его из списка, им ведь не был точно известен возраст Авдонины. Она только предположила... Вряд ли он мог оказаться моложе, а вот старше – вполне.

От него пахло сигарами. Курит натошак? Или сочинял всю ночь? Актер поклонился ей с улыбкой, в которой была одна лишь вежливость. Эльке он улыбнулся бы по-другому. Анита быстро кивнула в ответ и прочертила в мыслях его путь: сейчас он дойдет до гостиной, увидит Эльку, ее поджатые длинные ноги, пухлые детские губы, и можно сказать, что один кролик уже у них в шляпе!

Способен артист писать хорошие книги? Вполне. Стивен Фрай, например. Говорят, Том Хэнкс выпустил отличный сборник рассказов. Анита не успела прочитать перед отъездом, но намеревалась это сделать, когда... когда все будет

закончено. Если у них получится...

Она быстро дошла до конца коридора и обнаружила стеклянные двери, выводящие в сад. Видимо, небольшой – с вечера Анита даже не заметила его. Был ли он открыт для постояльцев? Мог ли Максим выйти туда?

«А почему нет?» – решила она сразу обо всем. И нажала на золотистую ручку.

Дверь отворилась без скрипа – похоже, в гостинице действительно царил порядок. Анита сошла с невысокого крыльца на дорожку, выложенную фигурной плиткой приятного песчаного оттенка, и прислушалась. Кроме птичьего попискивания на разные лады, никаких звуков не доносилось. Но это не значило, что в саду не было людей. Кто-нибудь мог наблюдать за ней сейчас, расслабляться не стоило.

Хотя так захотелось... забыть о великих планах и благородной цели, опуститься прямо на траву – еще не согретую солнцем, но уже подсвеченную, на острых верхушках которой покачивались искры. Вытянуть ноги, опершись сзади на локти, запрокинуть голову к небу. Облака на теплой лазури мягкие, чуть размытые, не ослепительно-белые, серый пепел ночи на всем... Они протянулись через небо волнистыми клубами, но не закрыли солнца, и оно улыбалось, точно выглядывало сквозь приоткрытые небесные жалюзи.

Анита замерла, растянувшись на газоне – нестриженном, мягком. Какое теплое утро! Наконец-то пришло настоящее лето... Когда они с сестрой только собирались сюда, подав-

ляло ощущение, что непогода пришла к ним навечно, а вот же, вытеснило ее солнце. Или только в этом саду так радостно, как будто небо улыбается ей? А выйдешь за ворота – и вновь окажешься в промозглой серости?

Прикрыв глаза согнутым локтем, Анита блаженно улыбалась теплу, скользившему по лицу, по руке... О сестре она не волновалась: Элька знает свое дело. Актер уже наверняка попал в ее сети, дело за профессором. И про хозяина гостиницы не стоит забывать. Впрочем, этот уже на крючке... А как вести себя с той ученой дамой, они поймут, увидев ее. Не факт, что она – сухарь, синий чулок. Может оказаться совсем наоборот.

– Эй, вам плохо?

Вздрагнув, Анита открыла глаза. Так не хотелось выходить из состояния легкой дремоты...

Стоявшая над ней девочка казалась подростком: майка-шорты-сандалии. Смешной, толстенький пупс. Ускользающий взгляд – не успеваешь заметить, какого цвета глаза!

Анита улыбнулась снизу:

– Нет. Мне так хорошо... Хочешь присоединиться?

Круглый носик задергался – выдал сомнения. Но девочка решилась и тяжело рухнула в траву. Элька сделала бы это изящно и легко...

– Ты здесь с родителями? – спросила Анита, чтобы с чего-то начать разговор. Раз уж девочка составила ей компанию.

– С отцом, – буркнула она.

– Приехали монастырь посмотреть?

– Больно нужен... Мы тут живем.

Анита сразу проснулась:

– Твой отец... профессор?

Никто не говорил, что у кого-то из этих троих есть ребенок...

– Вот еще! Мой папа – владелец этой гостиницы.

– А! Петр Николаевич. Вот как... С твоей сестрой я уже знакома.

Лицо девочки, обращенное к ним профилем, резко сморщилось:

– Она мне не сестра! Ну... Только по отцу. Это не считается!

– Понятно. И тебя зовут...

– Тася.

– Я запомню. Имя больно необычное.

– Идиотское имя! Это он придумал. Мама хотела назвать меня Полиной. А ему не понравилось, мол, это же «Поля». Говорит: человек – это человек, а не поле. Можно подумать, какая-то «Тася» лучше «поля»...

– Мое имя не лучше – Анита. Даже не знаю, с чего меня так называли...

– Не Анна?

– Нет. Так и в паспорте – Анита Александровна. Но по отчеству меня пока никто не зовет.

Помолчав, Тася спросила уже мягче:

– Вы недавно приехали? Я вас не видела. С кем вы?

– Мы вдвоем с сестрой, она сейчас в гостинице.

– А чему вы тут улыбались?

– Когда?

– Сейчас. Лежали и улыбались...

– Я вдруг небо увидела.

– И что? Оно ж постоянно над нами!

Анита улыбнулась:

– Верно. Только я давно его не замечала.

– Значит, вы неправильно живете, – выпалила Тася.

«А вот это уже интересно», – Анита перевела взгляд на девочку:

– Наверное, ты права. Не должен человек так жить, чтобы не замечать неба. И травы, – она провела по ней рукой. – И солнца.

– Оно пару раз за месяц выползает – трудно не заметить!

– Значит, сегодня – счастливый день.

Тася издала смешок:

– А вам немного для счастья надо!

На секунду задумавшись, Анита подтвердила:

– Это потому, что я не верю в глобальное счастье. Такое, чтоб на всю жизнь. А вот вспышки случаются. И они помнятся.

– И много таких? – Тася быстро скосила на нее глаза и опять отвела взгляд.

«Слишком мало», – у Аниты вдруг заныло в груди.

Как родился этот разговор? Зачем он? Нелепо разговаривать с незнакомым человеком о счастье... Не абстрактном, а твоём. Пережитом. Или только со случайными людьми и можно об этом? Ведь Тася наверняка забудет их разговор. Можно не сомневаться: в таком возрасте собственные переживания горами заслоняют чужие. Зачем тогда выпытывает? Своего счастья не хватает? Любимая дочка богатого отца, ещё школьную форму не сняла, а уже фактически хозяйка гостиницы.

– Немного, – смягчила Анита, чтобы не показаться нытиком.

– Ну, расскажите хоть про одну!

Анита решила, что девочка хочет сравнить её воспоминания со своими – чьи ярче. И не стала сопротивляться... В конце концов, Тася жила в этой гостинице дольше всех служащих. И хоть до сих пор была, по сути, ребенком, могла помочь. Детские впечатления бывают самыми правильными.

– Мы впервые на море...

– Ну, такое-то у каждого есть, – разочарованно протянула Тася. – Море – это такое всемирное счастье.

– Наверное, ты права. Тогда... Вот другое: мы с мамой прячемся в ледяном домике. Только мы с ней. Элька уже родилась, но она ещё спит в коляске, а мы с родителями играем в прятки. Мама всегда пряталась вместе со мной. Наверное, боялась потерять. Тогда я этого не понимала... Мне просто

нравилось, что мы с ней затаились в крошечной избушке и давимся смехом, пока папа нас ищет. И мама держит мои руки в варежках. Мы смотрим друг другу в глаза.

Несколько секунд Тася молчала, потом вдруг неловко вскочила, поскользнувшись на траве, метнула злобный взгляд и бросилась бежать. Аниту так и подбросило: «Что не так?!»

– Зря вы ей это рассказали... Вчера была годовщина смерти ее матери.

* * *

Подслушивать Максим не собирался. Вышел в сад, продолжая разыскивать Дашу, и вдруг увидел двух девчонок, валявшихся на траве. Тасю узнал, конечно, но подумал, что с подружкой, и лишь по голосу догадался, кто это с ней. Анита. Он уже посмотрел учетные записи, имя запомнилось. И такой голос, как у нее, не забудешь: колдовской, черт возьми! Неожиданно женский в щуплом теле. А у ее сестры – высокий, с льдинками. До сих пор звенит в ушах...

Анита смотрела на него в упор. «Глаза какие огромные, всего тебя так и сканируют!» – подумал Максим. Губы сжаты так, что не поймешь – то ли смешок удерживает, то ли ярость. Показалось, будто Анита борется с собой. Точно хочет сказать ему что-то, но не позволяет себе этого. Интересно, почему?

– Я случайно услышал, – буркнул он, когда Тася убежала.

– Вы так и не нашли Дашу? – спросила она неожиданно мягко.

Он даже опешил, готовый оправдываться и дальше. И мотнул головой:

– Как сквозь землю!

– Здесь ее не было, – Анита оглянулась вслед убежавшей девочке. – Значит, я сдуру по больному... Не знала.

– Конечно. Откуда вам знать?

Она болезненно поджала губы:

– Ох, как ужасно вышло... Может, поискать ее?

Максим качнул головой:

– Не стоит. Удивительно, что она вообще разговорилась с вами! Тася ни с кем не общается. Хотя... Мы же для нее услуга.

– Она вроде не похожа на избалованную «мажорку»...

– Не избалованная. Но... она не совсем обычная девочка.

– Особенный ребенок? Так аутистов и даунов называют...

– Не даун точно. Про таких говорят «себе на уме».

Анита издала легкий вздох:

– Наверное, ей кажется, что никто не в состоянии понять ее боль? Что она одна такая на свете? Или, по крайней мере, в этой гостинице. Вот вы же не теряли никого из близких?

У него внезапно задергался подбородок, и у Аниты остановилось сердце: «Опять по больному?! Да что со мной сегодня?»

Прикусив губу, Максим переждал прилив отчаяния. Потом выдавил:

– Мой щенок. Умер.

И столько в этих словах прозвучало неподдельного отчаяния, что Анита безотчетно шагнула к нему и протянула руки. Громко всхлипнув, Максим уткнулся ей в плечо, позволив обнять себя, погладить по спине.

– Поплачь, – шепнула она. – Я никому не расскажу.

Потом он сам озадаченно спрашивал себя: почему послушался? Разреваться на плече у незнакомки – еще та мелодрама! Он этот жанр недолюбливал, считал даже большей фантастикой, чем какие-нибудь «Звездные войны». Там хотя бы все честно, никто не пытается выдать эту историю за основанную на реальных событиях. А явно придуманные истории любви подсовывают зрителям как слепки с действительности: «Смотрите, и с вами может случиться такое! Однажды и в вашу жизнь войдет грандиозное чувство!» Но разве может сердце болеть из-за потери другого человека так же, как из-за смерти щенка? Его одного Максим и любил... Даже сравнить не с чем.

Мать недавно упрекнула его в эмоциональной глухоте. Припомнила одноклассниц, страдавших из-за него. Удивила. Ему и в голову не приходило, что он чем-то отличается от других. Неужели на самом деле бывают люди, страдающие из-за любви? Вчерашнее расставание с Машей оставило лишь легкое ощущение досады, когда она прислала сообще-

ние: «Я умру без тебя...» Такой дешевый фарс! Никто же не умирает из-за потери другого человека. Может, ребенка?...

Троль и был его ребенком. Его первенцем.

– Это невыносимо – хоронить малышей...

Максим всхлипнул и затих. Как она догадалась, о чем он думал? Почему-то именно это поразило его: «Она – понимает?!» До этой минуты он был уверен, что может все рассказать только Даше. Затем и разыскивал по всей гостинице... Но Даша была человеком пожившим, в матери ему годилась. А вот желания поехать к своей настоящей матери у Макса не родилось: разве она была способна вот так прижать его голову и поглаживать по спине, как маленького?

Плечо Аниты уже пропахло его слезами... Он уловил это и растерялся: смешение их запахов внезапно обрело физическую власть над ним, прошло желанием. Отпрянув, Максим попятился, опустив голову, ладонями растер слезы по лицу.

– Я опять сказала что-то не то?

– Как раз то, – выдавил он. – Откуда ты знаешь?

Ее худенькие с выпирающими косточками девчачьи плечики беспомощно дернулись: она и сама не понимала, как вместе со слезами пропиталась отчаянием этого незнакомого человека. И объяснить этого не могла.

Но Максим ни о чем больше и не спрашивал. Когда он поднимал глаза, слезящиеся и покрасневшие, в них читался суеверный страх. И желание бежать от нее подальше. Анита поняла: «Ему уже неловко за то, что он так раскис... Теперь

будет избегать меня. Ну и ладно... Этот парень по возрасту не тянет на Авдони́на. Он не может нас интересовать».

– Я никому не расскажу, – повторила она, чтобы успокоить. Хотя, с чего он должен был ей верить?

Но Максим кивнул, уставившись на двойную сосновую иголку, прилипшую к перилам крыльца. В другое время убрал бы – в их гостинице все должно быть идеально! А сейчас смотрел и не видел...

Только заставил себя произнести положенное:

– Спасибо.

– Не за что, – легко откликнулась Анита. – Правда. Я просто оказалась в нужное время в нужном месте. Это же не моя заслуга. Ты ведь Дашу искал... Мне она тоже показалась хорошей. Такое мягкое лицо.

Кивнув, Максим отступил на крыльцо, демонстрируя готовность уйти, машинально стряхнул иголки и стиснул перила, чтобы пережить приступ паники, совершенно незнакомой ему. Уходить не хотелось. И это пугало, ведь до сих пор он всегда и ото всех уходил без сожаления.

– Извини за то, что я тут устроил... Не думай, я не такой уж плакса.

Глаза Аниты были так спокойны, словно она видела его насквозь, и никакие оправдания не имели смысла.

– Я должен вернуться, – изнемогая от муки, незнакомой ему, пробормотал Максим.

– Конечно, – она улыбнулась одними уголками губ. – Еще

увидимся.

– Вы здесь надолго?

– Вполне возможно.

Наверняка их планы никак не были связаны с ним, такого и быть не могло. Но отчего-то его сердце встрепенулось и заколотилось, как будто Анита только что пообещала: «Я буду с тобой». Но нет... Конечно, она имела в виду другое. С чего он так обрадовался?

Кивнув, Максим уже открыл дверь, когда она окликнула:

– Послушай, у меня есть один пунктик... Ровно в полдень я всегда пью кофе. А Элька совсем его не пьет, бережет цвет лица... Не составишь компанию?

Он ухватился за брошенную ею веревку:

– Конечно! Я еще тот кофеман.

Уже в полумраке коридора Максим позволил себе перевести дыхание. Привалился спиной к стене и замер, глядя на падающий свет с потолка.

Петру казалось, что есть особое очарование в моменте, когда из таинственного мрака постоялец попадает в светлую комнату, где ему хочется остаться. Не в коридоре ведь жить... Поэтому верхнее освещение здесь включалось только на время уборки.

«Что это вообще было? – попытался разобраться Максим. – Колдовство какое-то... Я с детства не ревел при женщине. Кто она такая? Да нет, глупости это все... При чем тут она? Это во мне что-то сломалось. Никакой магии. Обыч-

ная девушка. Слишком обычная... Рядом со своей сестрой – просто гадкий утенок. И сама это знает, конечно».

И опять сердце, о котором Максим не вспоминал годами, отозвалось на эту мысль тревогой: как же ей живется с такой сестрой? Сдохнуть же можно от комплексов... Та ведь – кажется, Анита ее Элькой назвала? – тоже не дурочка: взгляд еще какой цепкий. Так что в этом случае интеллектом не утешись. А чем?

Это ему и захотелось разгадать... Что не так с этими сестрами? Да и сестры ли они вообще? Неуловимое сходство есть, конечно. И Аниту ведь уродиной не назовешь, просто таких не замечаешь на улицах. А на Эльку любой оглянется. Она, конечно, знает это о себе. Вот он сам долго не догадывался, что его лицо притягивает женские взгляды. Потом выяснил, но это ничего не изменило, хотя и ошарашило вначале... Гора бумажных сердечек на парте – такое не забудешь. Но и не вспоминаешь каждый день! Может, и Элька тоже не думает об этом постоянно? Как ее полное имя?

Заглянув в уборную, Максим хорошенько умылся, чтоб и следа не осталось от недавней слабости. Воду пропустил минут пять, сделал похолоднее, и даже ухнул от того, как обожгло лицо. А на выходе столкнулся с Дашей, но уже ничего не стал ей рассказывать, только поздоровался. Выплеснул – полегчало.

Сбежав вниз к своей стойке, он еще раз проверил записи, сделанные Ликой вечером. Вот: «Богданова Анита Алек-

сандровна... Богданова Элеонора Александровна». Исхитрились родители с именами, ничего не скажешь! У них с братом получилось куда проще...

Он отвлекся, заметив Тасю, которая прошествовала через холл к машине, ожидавшей у крыльца. Бросив взгляд на часы, Максим мысленно сделал зарубку: «В одиннадцать – репетитор по английскому. Полчаса езды...» Куда именно возили девочку, он не интересовался, но на всякий случай отслеживал ее отъезд и возвращение. Мало ли...

У него оставалось полтора часа до новой встречи с Анитой. И это почему-то беспокоило.

* * *

Никто в ее классе не вел дневник. В прежнем классе...

И о том, что Тася тайком описывает все происходящее в школе, тоже долго никто не догадывался. До того дня, пока Федька не стащил толстый блокнот на пружинке. Ему просто понравились щенки на обложке – собачник же! Решил рассмотреть получше. А потом заглянул внутрь.

– Да у меня челюсть отвалилась! – орал он потом. – Эта жирюга там такое про нас всех понаписала!

Зря она решила сделать запись на перемене... Боялась забыть живые подробности того, как глумились на физкультуре, когда ее парализовал страх. Гимнастическое бревно оказалось невероятно узким, нога так и норовила сорваться в

бездну, которая разверзлась прямо посреди спортивного зала! Это было не просто страшно... Фантастически страшно! И Тася застыла на бревне, скрючившись. Внутри все тряслось так, что ее затошнило.

«Как блевану сверху» – эта мысль могла развеселить, но только сильнее напугала.

Если б такое случилось, одноклассники, эта стая гиен, никогда не забыли бы. Отныне и навечно она стала бы Тошнотиком, Блевашкой или кем-нибудь вроде того...

И Тася каким-то чудом удержала рвоту. Но они все равно начали тявкать вниз. Зрелище же было дико смешным! Неуклюжая девчонка, больше похожая на толстого пацана, застыла на узкой перекладине в самой нелепой позе. Колени полусогнуты и трясутся, руки растопырены... Цирк уродцев!

Ей надо было заставить себя сделать хотя бы шаг. Может, потом пошло бы легче... Но Тася не смогла. Высота казалась просто космической! Почему остальные девчонки, легко скользившие по проклятому бревну, этого не замечали? А Тася точно знала, что тут же сорвется, стоит лишь двинуться с места. Со всего маха саданется о бревно, рухнет на пол и обязательно что-нибудь сломает. Подстеленные физруком маты не помогут, ведь ее тело, проклятое жирное тело, наберет сверхзвуковое ускорение, пока будет падать в бездну. И пробьет эти тонюсенькие маты насквозь!

Она не могла вспомнить, сколько проторчала на этом бревне... Видимо, очень долго, потому что одноклассникам

уже надоело ржать над ней. Да и учитель, наконец, выполз из тренерской и заметил, что Новикова до сих пор не прошла бревно.

Гаркнул на Тасю:

– До выпускного собираешься там торчать?

Ответить она была уже не в состоянии – сковал страх. Только промычала что-то, вызвав новый приступ хохота. В дневнике она написала: «гомерического», чем вызвала бурю, когда Федька прочел последнюю запись вслух.

– Что еще за «гомерический»?

– Может, венерический?

– Эй, да жирная нас сифилитиками назвала!

Отобратить дневник не получилось: двое мальчишек схватили ее за руки и придавили лицом к парте. А третий пристроился сзади и имитировал непристойное соитие, потешая весь класс. Тасе казалось, что сейчас она просто умрет от стыда и отвращения...

Но, когда Федька закончил читать, никто уже не смеялся. Они нависли над ней разъяренной стаей, с их клыков капала ядовитая слюна. Можно было не сомневаться, что сейчас ее порвут на куски... А перемена никак не кончалась.

От первого удара у Таси помутилось в голове. Ее будто отбросило в другую реальность, и потому она даже не вскрикнула. И остальные удары восприняла только телом, не сознанием. Корчилась, но не кричала. И звонок, раздавшийся слишком поздно, уже не восприняла как сигнал приближа-

ющего спасения. Все уже произошло.

– Выкиньте это отсюда!

Кто это выкрикнул? Она даже не узнала голос. Девчонка, конечно... Слишком визгливо прозвучало. Но кто? Кто презирал ее настолько, что даже не считал за человека?

Тася так и не узнала этого.

Когда ее бросили на пол туалета, она несколько минут приходила в себя, прижимаясь пылающей щекой к холодным плиткам. Потом попыталась встать на колени... Это получилось лучше, чем упражнение на бревне, хотя тогда она еще не была избита. Тася подползла к батарее и села, привалившись к ней спиной. Ей нужно было немного времени, чтобы прийти в себя.

«Ненавижу. Всех ненавижу...» – появилась мысль.

А вот решение созрело мгновенно: она никогда больше не войдет в этот класс. Гиены так и не узнают, что на прошлой неделе Тася похоронила свою маму... Очень ей нужна их фальшивая жалость! Хотя, если они возьмутся и прочитают весь дневник, то доберутся и до этих слов: «Мамочка, как мне жить без тебя?! Я ненавижу этот мир без тебя!»

Они все узнают. Но не устыдятся, а разозлятся еще больше: оказывается, жирюга еще имеет наглость их ненавидеть! Ведь они – это и есть мир. Мир без ее мамы.

Отец не смог ее заменить. Хотя Тася была благодарна за то, что он забрал ее из школы, ни о чем не расспрашивая.

Обеспечил домашнее обучение. Опасалась, что отец начнет нудить: «Нельзя ломаться при первых же трудностях. Надо закалять характер!» Тася уже подбирала слова, какими можно было бы доказать свою правоту, но Петр ничего такого не сказал. Удивил!

Тогда ей впервые закралась в голову мысль, что, может, отец любит ее не меньше, чем мама, хоть никогда особо этого и не показывает. Только вот Тася никак не могла заставить себя держаться с ним так же: утром прыгнуть в постель, пободать в плечо... Вечером устроиться под боком, чтобы вместе вышивать: у мамы – большие пяльцы, у нее – маленькие. У мамы получается настоящая картина, у нее – смешная козюлочка на канве.

Можно было даже не говорить ни о чем... А с отцом даже минутное молчание вызывало неловкость. Поэтому Тася запиралась в своей комнате и скрючивалась на полу: «Ну, за что?! Как теперь без нее?»

За год – не отпустило. Дышать легче не стало.

Косу Тася отстригла наутро после похорон, сама заплетать так и не научилась. Потом уж в парикмахерской сделали стрижку, от которой отца аж перекосило... Но у него хватило ума не высказываться, и персоналу гостиницы, наверное, запретил. Или сами поняли, что не время для насмешек и замечаний?

Тася не могла даже вспомнить, с кем хоть парой слов перебросилась за этот год, кроме репетиторов. И солнце она,

кажется, заметила сегодня впервые, когда присела рядом с той девушкой. Анитой вроде?

«Она кажется доброй», – решила Тася, раздумывая, почему подпустила к себе чужого человека. Точнее, сама подкралась. Пугливо, как дикая лисичка к лунке, просверленной во льду человеком, – этот ролик она посмотрела в Сети только что, пытаясь развлечь себя хоть чем-то.

Дашу тоже все считали доброй... И Лика даже уговаривала Тасю, если что, поплакаться горничной, как делает она сама. По ее словам, даже Максим жалуется Даше... Хотя трудно поверить, что ему найдется, о чем плакать. Такому-то красавчику? Такие шагают по жизни с гордо поднятой головой и перешагивают через всяких Тась... И даже Лик...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.